

V. Рецензии

Tahir Qaffarov, İsaq Məmmədov, Xaqani Məmmədov, Şövkət Tağıyeva, Murad Vəliyev, Şərqiyyə Məmmədova, Ağasi Hüseynov, *Azərbaycan tarixi. Ümumtəhsil məktəblərinin 11-ci sinfi üçün dərslik* [История Азербайджана. Учебник для 11-го класса среднеобразовательных школ]. 4. изд. Bakı: Çaşıoğlu, 2003.

В 2003 г. бакинским издательством «Çaşıoğlu» было опубликовано четвертое издание учебника по азербайджанской истории для 11-го класса общеобразовательных школ. Редакторы учебника - представители старшего поколения азербайджанских историков, научная карьера которых пришлась на хрущевский и брежневский периоды правления - Сейфеддин Гандилов и Исаг Маммадов. Авторский коллектив состоит помимо Исага Маммадова из Таира Гаффарова, Хагани Маммадова, Мурада Валиева, Шаргии Маммадовой, Шовкет Тагиевой и Агаси Гусейнова.

Посвященный современному этапу азербайджанской истории (с 1918-го г.) учебник разделен на 6 крупных, хронологически обособленных разделов, которые в свою очередь состоят из глав и параграфов. Первый раздел охватывает почти 80 страниц, но освещает лишь 23 месяца, на протяжении которых существовала Азербайджанская Демократическая Республика, павшая в результате вторжения Красной Армии большевиков в апреле 1920 г. Авторы очень подробно останавливаются на отдельных моментах. Подробно описываются внешняя и внутренняя политика АДР. При этом особенно интенсивно анализируется дипломатическая деятельность азербайджанской делегации во время Версальской конференции. Второй раздел посвящен национально-освободительному движению этнических азербайджанцев в так называемом «Южном Азербайджане». Как известно, азербайджанская историография как до 1991-го года, так и после трактует историю Азербайджана как историю азербайджаноязычного этнического пространства, который включает в себя не только Республику Азербайджан, но и азербайджаноязычные провинции на севере Ирана. Особое внимание уделено в этом разделе Тебризскому восстанию 1920-го г. Не удивительно, что эти параграфы составила историк-иранист Шовкет Тагиева (род. в 1926 г. в Баку), автор монографии о Тебризском восстании.

Третий раздел под названием «Азербайджан в 20-30-ые гг.» освещает установление в Азербайджане советского режима (§15), народные восстания против большевиков и массовые репрессии конца 1930-ых гг. В этот раздел интегрирован анализ событий в Южном Азербайджане: ему уделяется отдельная глава.

При описании развития культуры в этот период первый из параграфов 8-ой главы «Азербайджанская культура в 1920-30-ые гг.» посвящен культурной жизни в Азербайджанской ССР, а следующий параграф - культурным процессам в Южном Азербайджане. Последовательная подача информации о событиях в «обоих» Азербайджанах в едином хронологическом порядке должна создать обширное представление о единстве и целостности азербайджанского культурного и этнического пространства.

В четвертом разделе (с. 173-203) ученики изучают историю «Азербайджана во время Второй мировой войны». Изложение начинается с планов о захвате советского Азербайджана «участвующими в войне странами» (§27). При этом дается информация не только о немецких планах по оккупации Баку, но и о советских империалистических проектах в регионе. Авторы учебника пишут об участии азербайджанцев в антифашистском движении сопротивления и в партизанских боях в Югославии. Одновременно с этим большое внимание уделяется описанию азербайджанских легионов, воевавших на стороне Вермахта против СССР.

Пятый раздел охватывает историю Азербайджана после Второй мировой войны вплоть до 1991 г. Нарратив начинается с освещения «усиления тоталитарного режима в республике» в период позднего сталинизма в СССР. 11-ая глава этого раздела посвящена политическим и социальноэкономическим процессам в 1960-80-ых гг. и является наиболее политизированной. Однозначно преувеличена роль Гейдара Алиева, тогдашнего первого секретаря компартии АзССР и президента Азербайджана (1993-2003), отца нынешнего президента Ильхама Алиева (с 2003 г.). Этот период, более известный как «застойный» в СССР, здесь представляется как период промышленного бума, повышения уровня жизни населения, сопровождавшийся якобы чередой юбилеев национальных литераторов, которые до того времени были запрещены советской властью. Авторы представляют краткую информацию об азербайджанских диссидентах (Абульфаз Эльчибей [Алиев]) (с. 229), критиковавших руссификацию республики и эксплуатацию природных ресурсов Москвой. При этом у учеников должно создаться впечатление, что придание азербайджанскому языку статуса госязыка связано с именем Гейдара Алиева, и как аргумент приводится тот факт, что по конституции АзССР от 1978 г. азербайджанский язык являлся единственным госязыком АзССР. Умалчивается однако тот факт, что азербайджанский язык обладал этим статусом уже в конституции, принятой в 1966 г., то есть за три года до того, как Гейдар Алиев пришел к власти в августе 1969 г. При этом решение о предоставлении азербайджанскому языку статуса госязыка было принято еще в конце 1950-ых годов¹.

Многие политики, сыгравшие важную роль во время трансформации в годы перестройки, а потом находившиеся в политической оппозиции к Гейдару Алиеву

¹ Для краткого обзора см.: <http://www.azadliq.org/content/article/1755423.html> (11.08.2009). Более подробная информация о языковом вопросе в книге: Həsənli C. *Azərbaycanda milli məsələ: siyasi rəhbərlik və ziyalılar 1954-1959*. Bakı: Adiloğlu, 2008.

ву, практически отсутствуют в тексте или же изображаются негативно. Это касается Аяза Муталлибова и уже упомянутого Абульфаза Эльчибея. При этом учебник пестрит фотографиями Г. Алиева, подробными биографическими данными о нем и о членах его семьи, а также его афоризмами. Приводятся отрывки из его речей, а также положительные высказывания о нем известных политиков.

Несмотря на ряд положительных тенденций при выстраивании нарратива об истории Азербайджана в XX веке азербайджанскими историками (десоветизация исторических понятий, отказ от терминов типа «Великая Отечественная Война», разъяснение империльной сути СССР и т. д.), качество данного учебника страдает от крайне предвзятого изображения политической истории страны как в последний период советской оккупации, пришедший на годы правления Гейдара Алиева, так и от необъективного анализа процессов после 1991 г., и особенно после 1994 г.

Заур Гасымов

Konstantin Sheiko with Stephen Brown, *Nationalist Imaginings of the Russian Past: Anatolii Fomenko and the Rise of Alternative History in Post-Communist Russia* [Националистические представления о российском прошлом: Анатолий Фоменко и возникновение альтернативной истории в посткоммунистической России]. Soviet and Post-Soviet Politics and Society, vol. 86. Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2009. 251 pp. €34,90 p/b.

Труд Константина Шейко рассматривает современную русскую идейную школу, большей частью неизвестную вне России, за исключением, наверно, тех, кто регулярно посещает российские книжные магазины и интересуется секциями, посвященными так называемой Новой хронологии. Эта расплывчатая идеология, главным представителем которой является Анатолий Фоменко, утверждает, что мировая хронология фальсифицировалась на протяжении последних нескольких веков, и что эти «ошибки» являются результатом ловких трюков, преднамеренно организованных европейскими странами и их представителями в России, династией Романовых. Почему? Для того, чтобы уменьшить значение русского народа, который якобы был основоположником всех великих достижений античности, Средневековья и современного мира, от этрусков до открытия Колумбом Америки.

Несмотря на то, что такую радикальную реинтерпретацию мировой истории можно легко отклонить как маргинальную или фантастичную, тщательное рассмотрение, которому её подвергает Константин Шейко, показывает, что она дает важный ключ к пониманию современной России и проходящих в ней дебатов. В

самом деле, Новая хронология пользовалась большой издательской популярностью, продаваясь тиражами в десятки тысяч экземпляров. Традиционные круги историков были захвачены врасплох аргументами «новых хронологов» и им потребовалось несколько лет, чтобы ответить на них серией работ под заголовком «анти-Фоменко».

Чтобы лучше понять это течение мысли, Шейко помещает его движущие идеи в их исторический контекст – долгие поиски Россией своей идентичности. С начала 19-го века эти поиски сконцентрировались на месте России в мире и сформулировали предубеждение по отношению к Европе, якобы виновной в непризнании настоящей значимости русской культуры. Вместо того, чтобы углубляться в изучение деталей и аргументов, выдвинутых Фоменко и его коллегами – деталей трудноанализируемых, так как они базируются на математических таблицах, предназначенных, видимо, для демонстрации предполагаемой верности их теорий – Шейко справедливо предпочел снабдить феномен Фоменко соответствующей контекстуальной информацией. Применяя этот метод, он анализирует историографические компоненты, на которых построена эта «новая хронология»: дискуссии об истоках русской истории, которые прослеживаются до знаменитых споров между норманнистами и антинорманнистами в конце 18-го века; течение славянофилов 19-го века и их пылкое утверждение, что славяне стояли у истоков всех великих народов античности, включая этрусков, хеттов, шумеров и даже вождя гуннов Атиллы; евразийское движение, зародившееся в 1920-х годах в русской эмиграции, выступавшее против традиционной историографии и прославлявшее культурный симбиоз русских и татар; и, наконец, старинная народная традиция самозванцев, связанная, в частности, с Иваном Грозным.

Таким образом, Шейко показывает аспекты, позволяющие нам лучше понять значение этой причудливой историографии и причины ее огромной притягательности для российских читателей. Тем не менее, несмотря на то, что автор успешно вводит феномен Фоменко в контекст длинной русской исторической преемственности, простирающейся от 18-го столетия до евразийцев, возможно все-таки заслуживает сожаления тот факт, что эта контекстуализация не затрагивает в достаточной мере двадцатый век. На самом деле, многие мыслительные фигуры, использованные Новой хронологией, основаны на послевоенной сталинской пропаганде, характерной чертой которой являлась попытка наделить все великие открытия человечества русским прошлым. Российское общество привыкло с определенной повторяемостью узнавать об очередном пересмотре исторических взглядов. Более того, Новая хронология является частью более широкой современной альтернативной истории, распространенной в России, как и в других странах мира. Эта тема заслуживала бы отдельной главы, касающейся, в частности, значения теорий заговора, сделавших для России возможным пересмотр травматических событий, связанных с распадом Советского Союза и чувством унижения, накапливавшимся в течение последних 20 лет.

Шейко следовало бы рассмотреть не только историческую родословную Новой хронологии, но и ее современный социологический контекст, поскольку он проливает свет на тот факт, что рассуждения о национальной идентичности не всегда обращаются к рациональным или традиционным взглядам или включают в себя политическую аргументацию. Действительно, теории Новой хронологии тем более привлекательны для публики, что они апеллируют к историческому воображению, и эта уловка, приближающая их к беллетристике – или даже к научной фантастике – в то же время смешивает вопросы науки и паранауки.

Несмотря на эти критические замечания, работа Шейко заслуживает похвал, так как она ознаменовывает новую веху в изучении одного из главных течений современной российской националистической мысли, до этого времени почти неизвестной ученым.

Марлен Ларюэль
(Перевод с англ.: Антонина Зыкова)

Marlène Laruelle, *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire* [Русское евразийство: идеология империи]. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008. XIV + 276 pp. £32.00 h/b.

В последнее советское и первое постсоветское десятилетия тема русского национализма оставалась как в рамках западной советологии, так и в контексте международного россиеведения, экзотичной. Несмотря на первые симптомы роста неформального националистского движения в восьмидесятых и девяностых, национализм в России тогда был предметом интереса небольшого круга исследователей и лишь изредка удостоивался замечаний ведущих экспертов. Однако начиная с 2000-го года русский национализм превратился в признанную рамку толкования как внешней политики Москвы, так и развития событий внутри России. Сейчас эта тема пользуется растущим интересом и комментируется многими западными обозревателями.

К счастью для международной политологии и западной публицистики Марлен Ларюэль начала крупный исследовательский и редакционный проект по этому вопросу еще до того, как русский национализм вошел в поле зрения большинства экспертов, занимающихся Россией. Результаты ее плодотворной деятельности за последние 15 лет сделали французскую ученую-политолога самым известным на сегодня западным исследователем русского национализма. Своими многочисленными статьями, рядом сборников под её редакцией, а также несколькими моно-

графиями на французском, английском и русском языках Ларюэль единолично превратила изучение современного русского национализма в заметную область сегодняшнего руссиеведения.

В числе разнообразных публикаций Ларюэль представленная здесь книга является, возможно, наиболее значимым вкладом, поскольку в ней она комбинирует обширное знание предшественников, представителей и последователей классического евразийства с отменным пониманием постсоветской российской и центральноазиатской политики. В самом начале книга поднимает вопрос о том, следует ли считать евразийство маргинальным или принадлежащим к мейнстриму феноменом. Затем освещается раннее евразийство 1920-30-х гг., прежде чем Ларюэль переходит к отдельным главам, посвященным Льву Гумилеву, Александру Панарину и Александру Дугину. В следующих двух главах речь идет о других разновидностях «неоевразийства» в России, Казахстане и Турции. Заключительная часть представляет собой интерпретацию эволюции евразийских идей с герменевтической и сравнительной точек зрения.

Вполне вероятно эта книга приобретет статус базовой литературы в изучении русского национализма. В ней нашли отражение как обширные знания автором релевантных фактов, событий и источников, так и её необыкновенное умение охватить глубинную структуру современного российского дискурса. Я считаю каждую страницу этой монографии достойной того, чтобы быть внимательно прочитанной и могу искренне рекомендовать эту книгу как достоверное и захватывающее введение в запутанный вопрос евразийского национализма. Стоит отдельно отметить и тот факт, что книга переведена с французского Михаилом Габовичем – блестящим переводчиком и знатоком предмета исследования. Как наглядно демонстрирует эта книга, Габович не только превосходно владеет французским и английским языками, но и сам является исследователем русского национализма с исключительно полным пониманием сути доводов Ларюэль.

На фоне такого выраженного энтузиазма я осмелюсь сделать одну критическую ремарку относительно этой и нескольких предыдущих интерпретаций Ларюэль феномена Дугина. На сегодняшний день Александр Дугин – самый значительный представитель «неоевразийства» среди рассмотренных Ларюэль политических деятелей и мыслителей. Он располагает более или менее тесными связями с политической элитой России, включая администрацию Президента, а также в среде гражданского общества, не в последнюю очередь в академических кругах. В свете растущего присутствия Дугина в российской общественной жизни, Ларюэль могла бы менее решительно высказываться о том, что его идеи «нельзя приравнять к фашизму, если говорить об этом понятии, как об определении современных расистских крайне правых – термин, который, более того, в этой связи исторически и концептуально неверен» (с. 132).

Здесь Ларюэль вступает в область десятилетних международных дебатов о природе родового фашизма, и, если признать пригодность этой концепции, о том,

как его нужно дефинировать и интерпретировать. Ларюэль, кажется, вообще не знакома с этой литературой. Она, видимо, также не особенно интересуется отчасти жаркими дискуссиями по вопросу фашизма Дугина, которые велись такими учеными как А. Джеймс Грегор, Роджер Д. Гриффин, Алан Ингрэм, Уолтер Лакёр, Вячеслав Лихачёв, Леонид Люкс, Маркус Матыль, Стивен Д. Шенфилд, Антон Шеховцов, Александр Янов и мною. Поэтому было бы более предпочтительным, если бы Ларюэль или не затрагивала этот вопрос, или же обширно представила бы те разные исторические и компаративистские аргументы, которые были выдвинуты за и против классификации Дугина как фашиста.

При фактическом отсутствии каких-либо ссылок на исследования как в области родового фашизма, так и касательно их приложения к современному русскому национализму, утверждения Ларюэль по этому вопросу выглядят пустыми, а в некоторых случаях сами себе противоречащими. Более того, вопрос о том, является ли Дугин, некогда восхвалявший СС и приветствовавший наступление «фашистского фашизма» в России, фашистом, является в России не только академическим, но, ввиду политизированности термина «фашизм», и политическим. Уклончивые заявления Ларюэль по этой теме не вносят ясности в этот, возможно, самый важный вопрос интерпретации дугинского феномена.

Несмотря на это разногласие, я считаю книгу Ларюэль исключительно информативной и поучительной. Это сжатое описание и проливающая свет на многие события интерпретация важной и сложной разновидности постсоветского русского национализма должны найти своих читателей не только в лице ученых, но также и среди студентов, журналистов и политических активистов.

Андреас Умланд
(Перевод с англ.: Елена Сивуда)